
КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ ОЛЬГА ШИЛЛИНГ
РАЗВОД
С ПРЕДАТЕЛЕМ
Ты украл мою компанию и
оставил мне пять миллионов долга!

Камила Левитан
Ольга Шиллинг

Развод с предателем. Ты украл мою компанию и оставил мне пять миллионов долга!

https://litres.ru/74726482
SelfPub; 2026

Аннотация

Три года я создавала приложение, которое должно было сделать нас с мужем невероятно богатыми. Но в день запуска Игорь объявил, что я всего лишь исполнитель. Мою долю цинично обнулили, технологии продали, а на моё имя повесили многомиллионный кредит.

Пока любовница праздновала победу, я осталась с чемоданом, долгами и угрозой потерять квартиру.

Покупатель нашего бизнеса, беспощадный Марк Орлов, предлагает опасную сделку. Он знает цену моему таланту, но за помощь требует слишком многого.

Муж уверен, что уничтожил меня. Он забыл главное: код написала я.

Я верну своё имя, создам собственную новую компанию и заставлю предателей пожалеть о каждой украденной у меня минуте.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 27
Глава 5 35
Глава 6 42
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Камила Левитан, Ольга Шиллинг Развод с предателем. Ты украл мою компанию и оставил мне пять миллионов долга!

Глава 1

Мне тридцать два года, и в эту секунду я чувствую себя не человеком, а куском мяса на разделочной доске.

Мы шли к этому три года. Три года бессонных ночей, когда я глотала холодный кофе из термоса, пока Игорь спал рядом, свернувшись калачиком под одеялом. Я писала код, я рисовала прототипы, я вымаливала инвестиции у скучающих мужчин в дорогих костюмах. А он? Он просто улыбался. Его улыбка была моим главным активом. И сегодня, на запуске «Aura» — приложения, которое должно было изменить рынок умного дома, — я наконец-то получу то, что мне причитается. Признание. Статус сооснователя. Не жены ген-

директора, а женщины, которая держит этот бизнес на своих плечах.

Конференц-зал был набит битком. Воздух пах дорогим парфюмом, свежестью кондиционеров и легким напряжением перед стартом. Я поправила воротник шелковой блузки, чувствуя, как ткань холодит кожу. Пальцы дрожали, но я сжала их в кулак. Сегодня всё будет идеально.

— Готова? — шепнул Игорь, подходя ближе. Он положил руку мне на поясницу. Жест был собственническим, тяжелым. Я привыкла к этому весу, считая его опорой.

— Всегда готова, — ответила я, глядя на проектор.

Я подключила ноутбук. Щелчок. Тишина. Потом писк динамиков. Экран мигнул, выдавая знакомый логотип стартапа — минималистичную букву «А», которую я сама нарисовала в графическом редакторе в три часа ночи. Зал зааплодировал. Я выдохнула. Эйфория поднялась волной, готовая вот-вот накрыть меня с головой.

И тут картинка дрогнула.

Логотип растворился в белом шуме, как сахар в кипятке. Вместо интерфейса приложения на экране появилась плотная стена текста. Мелкий шрифт, синие чернила, гербовые печати. Заголовок кричал красным: «ДОГОВОР О ПРОДАЖЕ АКТИВОВ ООО «АУРА» ХОЛДИНГУ «ОРЛОВ ГРУПП»».

Аплодисменты оборвались. Это было похоже на звук отрезаемого провода. В зале повисла тишина такая густая, что

можно было услышать, как кто-то из инвесторов нервно крутит кольцо на пальце.

Я посмотрела на Игоря. Он не удивился. Он даже не моргнул. На его лице играла дежурная улыбка, которой он обезоруживал банкиров. Но глаза были пустыми, стеклянными. Как у манекена.

— Игорь? — мой голос прозвучал чужеродно, хрипло.

Он шагнул ко мне, положил руку на плечо. Пальцы впивались в ткань блузки так сильно, что я почувствовала острую боль сквозь шелк. Он наклонился к моему уху, и его дыхание обожгло щеку.

— Не дергайся, Ань. Ты просто исполнитель. Твои акции размыты. Подпиши согласие на сделку, иначе я предъявлю иск за кражу интеллектуальной собственности. А кредит на твоё имя... ну, это будет твоим сюрпризом.

Слова падали медленно, как камни в болото. Кредит на твое имя? Какой кредит? Мы никогда не брали денег в долг. У нас были только мои накопления и его гранты. Или я чего-то не знала?

Позади него, словно из тени, вышла Вика. Двадцать четыре года, дизайнер интерфейсов, дочь того самого инвестора, который вчера смотрел на меня с презрением. Сегодня его дочь виснет на руке моего мужа. Она не произнесла ни слова. Просто подошла к Игорю и поправила воротник его рубашки. Движение было интимным, медленным, нарочито домашним. Её ногти скользнули по его коже, оставляя едва

заметные следы.

Зал взорвался аплодисментами. Но хлопали не нам. Они приветствовали Вику. «Новое лицо бренда», — беззвучно произнесла она, повернувшись к залу. Кто-то из моих бывших коллег, тех, кого я учила верстать макеты, отвел взгляд. Другие злорадно ухмылялись, потирая руки.

— Что происходит? — я отшатнулась от Игоря, ударившись спиной о стол переговоров. Холод стекла пронизывал через ткань юбки.

Игорь достал из кармана пиджака сложенный лист бумаги. Распечатку. Он развернул её перед моими глазами. Там была моя подпись. Кривая, небрежная, но узнаваемая. Рядом стояла дата: два месяца назад. День, когда мы праздновали годовщину свадьбы в ресторане. Я помню тот вечер. Я была пьяна, счастлива, он говорил красивые тосты... А потом принес бокал воды, в котором что-то было. Снотворное? Алкоголь? Я не помню деталей, только смутное ощущение заторможенности.

— Это фальшивка! — закричала я, чувствуя, как горло перехватывает спазм. — Я ничего не подписывала!

— Ты подписала, Анна. Вот здесь. — Он ткнул пальцем в строчку «согласен на передачу прав управления». — И вот здесь. Поручительство по кредиту на пять миллионов для «оптимизации налоговой нагрузки».

Я посмотрела на цифру «0» рядом с моей долей в компании. Ноль. Абсолютный, математически точный ноль. Всё,

что я строила годами, исчезло. Растворилось, как туман.

Ко мне подошел Серый, наш ведущий разработчик. Тот самый, с которым мы вместе ели шаурму в одну смену. Он заглянул мне в глаза, и в его взгляде не было сочувствия. Только любопытство и легкое отвращение.

— Ты правда продалась? Или тебя просто списали? — спросил он тихо, чтобы слышала только я.

Меня замутило. Физически, до боли в желудке. Я попыталась сказать что-то, оправдать себя, но язык прилип к нёбу. Я была не человеком. Я была ошибкой в системе, которую нужно удалить.

Двери зала распахнулись. Из коридора донеслись чужие голоса; я вздрогнула, всё ещё сжимая распечатку. В проеме стоял мужчина. Высокий, в черном костюме, который сидел на нем как вторая кожа. Марк Валерьевич Орлов. Владелец холдинга, который купил мою жизнь.

Он не смотрел на толпу. Не смотрел на Игоря, который выпрямился, став вдруг маленьким и жалким. Орлов смотрел на бумагу в моих руках. Его глаза были цвета стали — холодные, оценивающие, лишенные какой-либо человеческой теплоты. Он выглядел не как спаситель, а как хирург, который уже примерил скальпель к ране.

— Кредит доверия обнулен, — произнес он. Голос был низкий, бархатистый, но от него мурашки бежали по спине. — Подписывай, Анна. Или я заберу всё через суд завтра утром. Тебе будет хуже.

Это не было предложением помощи. Это был ультиматум. Выбор между двумя видами смерти: быстрой или медленной, унизительной.

Я посмотрела на ручку, которую протянул мне секретарь. Кончик стержня блестел.

Пока я писала свою фамилию — Анна Волкова — рука предательски тряслась. Чернила расплывались, превращая буквы в кляксы. Но я видела пункт 14.7. Маленьким шрифтом, в самом низу страницы.

«Передача исключительных прав на исходный код продукта «Aura» осуществляется лично лицу, указанному в преамбуле настоящего договора, минуя юридическое лицо ООО «Аура».»

Моя кровь застыла в жилах.

В приложении к договору значились код, серверный архив и лицензии «Ауры». Само ООО, его счета и оставшаяся инфраструктура оставались у Игоря. Самое ценное уходило из компании — и теперь он заставлял меня подтвердить это своей подписью.

Игорь не просто продал активы. Он продал меня. Мой мозг, мой код, мои годы жизни — всё это теперь принадлежало не корпорации, а одному конкретному человеку. Орлову.

Я подняла глаза на Марка. Он чуть заметно усмехнулся. Эта улыбка не достигла глаз, но в ней было что-то хищное, удовлетворенное. Он знал. Он всегда знал. Эта сделка гото-

вилась не сейчас. Она начиналась задолго до сегодняшней презентации. Я была пешкой не в их ссоре, а в его личной игре. И я только что поставила себе мат собственной рукой.

Когда я закончила писать, зал снова загудел. Аплодисменты. Поздравления. Игорь обнял Вику, пряча лицо в её волосах, и я увидела, как его плечи расслабились. Победа. Он победил.

Охранник подошел ко мне с чемоданом. С моими личными вещами: рабочим ноутбуком, блокнотами, фотографиями. Он бросил его мне под ноги, как мусор.

— Ваша машина подана, — сказал он сухо. Хотя машины у меня больше не было.

Я вышла на улицу. Дождь хлынул сразу, холодный, злой, бьющий по лицу. Я шла по лужам, чувствуя, как вода проникает в туфли, размывая остатки достоинства. Телефон в кармане вибрировал. Раз, два, три.

Я остановилась, тяжело дыша, и вытащила устройство. Экран светился тускло, отражая серое небо.

Сообщение от банка:

«Уважаемый клиент! В связи с просрочкой платежей по договору №7734-В инициирована процедура взыскания задолженности. Предмет залога — квартира по адресу: ул. Пречистенка, д. 12, кв. 5».

Дождь лился за шиворот, стекал по позвоночнику, холодный, как приговор. Я стояла посреди Москвы, с одним чемоданом и нулем на счету, и понимала: это не конец истории.

Это только начало их игры. А я все еще жива. И они забыли забрать у меня память.

Глава 2

На следующее утро я оставила чемодан с рабочим ноутбуком в камере хранения у метро и вернулась в офис с копиями вчерашних документов.

Я влетела в приёмную, как ураган в стеклянный аквариум. Папка с бумагами была прижата к груди так крепко, что уголки впивались в кожу через тонкую ткань блузки. Секретарь, мальчишка лет двадцати с идеальной стрижкой и пустыми глазами, даже не поднял головы от монитора.

— Игорь Валентинович занят, — бубнил он, тыкая пальцем в клавиатуру. — С новым руководством. Без записи вход запрещён.

Гнев обжёг горло, но я проглотила его. Не время для истерик. Я обошла ресепшн по дуге, чувствуя холод металла двери служебного входа под ладонью. Механизм щёлкнул, открываясь без сопротивления. Меня не видели как угрозу. Для них я была просто помехой, мусором, который нужно убрать с пути перед приходом хозяев.

В переговорной пахло свежей краской и дорогим кофе. За столом сидел не Игорь, а его штатный адвокат — сухощавый мужчина в очках с тонкой оправой. Он даже не встал, когда я ворвалась внутрь, сбивая каблуками тишину. Только медленно положил передо мной стопку документов, скреплённых зажимом.

— Ваш муж просил передать, Анна Сергеевна, что вы подписали всё добровольно. Юридически сделка закрыта.

— Позови его! — мой голос сорвался на визг, чужой и жалкий. Я ударила ладонью по столу, и бумаги подпрыгнули. — Игорь знает, что это мошенничество!

Адвокат молча включил диктофон. Красная лампочка зажглась, как глаз змеи. Его спокойствие было оружием. Здесь нет места эмоциям. Только факты. И эти факты были против меня.

Я схватила верхний лист, трясущимися пальцами найдя нужный пункт.

— Размытие моей доли! Вы нарушили мои права! Вы не имели права менять структуру собственности без общего собрания!

Он листал бумаги, перелистывая их с тем же ритмом, что и метроном.

— Пункт 14.3. «Оптимизация налоговых рисков». Подписано вами полгода назад. Вечером. Когда вы готовили ужин.

Меня будто ударили в солнечное сплетение. Тот вечер. Игорь стоял у плиты, улыбаясь своей обезоруживающей улыбкой, и говорил: «Ань, тут формальность, подпиши, пока я режу стейк, иначе штраф». Я подписала, потому что доверяла ему больше, чем себе. Потому что считала, что мы команда.

— Ваша подпись здесь, — он ткнул пальцем в чернила. — Рядом с отказом от претензий. Вы юридически мертва,

Анна Сергеевна.

Дверь открылась бесшумно. Игорь вошёл, не глядя на меня. Он поправлял манжеты рубашки, проверяя, ровно ли лежит запонка. Золотая. Новая.

— Не устраивай цирк, Аня, — сказал он холодно, обращаясь к адвокату, словно я была пустым местом. — Ты просто исполнитель. Твоя роль окончена. Проект закрыт.

Злость ослепила. Я бросилась к нему, желая ударить, разбить это самодовольное лицо. Но он ловко шагнул в сторону, и я потеряла равновесие. Колени ударились о паркет больно, глухо. Я осталась на полу, задрав голову, чтобы видеть его снизу вверх.

Игорь вздохнул, раздражённо, как человек, которому наступили на любимую туфлю. Он не помог мне встать. Он повернулся спиной и вышел.

Через минуту сотрудник приёмной принёс стакан воды. Поставил его рядом со мной, как собаке, которую нужно успокоить, чтобы она не мешала. Холод стекла обжёг пальцы, когда я взяла его. Внутри у меня было пусто.

Телефон завибрировал в кармане. Экран вспыхнул белым светом. Банк.

— Клиент Анна Сергеевна, кредитная линия переведена в статус просроченной, — голос сотрудницы банка резал уши. — Требуется немедленное погашение долга или арест имущества.

— Я развожусь! — кричала я в трубку, хотя знала, что

бесполезно. — Это общий долг!

— Договор займа не имеет отношения к бракоразводному процессу, — отчеканила она. Щелчок. Гудки.

Двойной удар. Бизнес отняли. Дом тоже. Игорь заранее заложил квартиру под этот кредит, используя мои же подписи. Я чувствовала вкус пепла во рту.

Дверь снова открылась. Вошла Вика. Она не злилась. На её лице была маска фальшивого сочувствия, сладкая и приторная, как дешёвая конфета.

— Бедная ты, Анна, — произнесла она мягко, кладя на стол связку ключей. Они звякнули о дерево, оглушая тишину. — Игорь так переживает за тебя, но бизнес есть бизнес. Тебе лучше уйти по-хорошему.

Я молча взяла ключи. Руки дрожали, но лицо окаменело, превращаясь в маску. От ключей пахло чужими духами. Лаванда и деньги. Дешёвая попытка выглядеть элегантно. Вика демонстративно отвернулась, проверяя макияж в зеркале телефона, превращая мою трагедию в бытовой переезд.

Я вышла из здания в ливень. Дождь хлестал по лицу, смывая остатки достоинства. У тротуара стоял чёрный седан. Стекло опустилось. Внутри был Марк Орлов. Он смотрел на меня спокойно, без жалости, без презрения. Просто констатировал факт.

— Игорь оставил тебе пустую коробку, — его голос был низким бархатом, пробивающимся сквозь шум дождя. — Но код приложения, который ты написала, всё ещё работает. И

он стоит больше, чем вся эта компания.

Я хотела отвернуться. Гордость кричала: «Не принимай подачки от того, кто купил нашу компанию». Но ноги подкашивались от истощения. Я чувствовала себя выжатой тряпкой.

Марк знал о моём таланте лучше, чем мой бывший муж. Он видел во мне не жертву, а актив. Он протягивал руку не для помощи, а для сделки.

Моё спасение лежало не в суде, а в руках того, кто купил мой гроб.

Марк не улыбнулся. Он просто открыл дверцу машины шире, давая понять, что выбор между мокрой скамейкой в парке и тёплым кожаным салоном — это выбор между смертью и жизнью. Я села внутрь, потому что у меня не осталось сил стоять на ногах.

Марк довёз меня до «Панорамы», остановив седан у арки.

— Я заберу вещи сама, — сказала я. — И собаку.

— Запиши мой номер. Позвони, если понадобится.

Я записала его номер, но звонить первой не собиралась.

Подъезд элитного ЖК «Панорама» пах свежевымытым мрамором и дорогим парфюмом. Этот запах всегда вызывал у меня тошноту — он был запахом лжи, которую мы с Игорем покупали вместе. Я стояла перед дверью нашей бывшей квартиры, прижимая к груди сумку-шоппер, в которой лежали мои документы и телефон. Связка ключей, которую Вика отдала в офисе, лежала в сумке. Я всё равно позвонила: за

этой дверью был Игорь, и одна я с ним оставаться не хотела. Я пришла за тем, что осталось.

Мне нужно было забрать Лайку. Просто собаку. Глупую, стареющую лайку, которая знала мой голос лучше, чем муж. И домашний ноутбук. Старый, тяжелый Lenovo, где на диске D висела папка «Архив_Проект_Альфа». Там были черновики кода, которые Игорь так и не успел перенести в облако, потому что был занят любовью с Викой. Это была моя страховка. Моя последняя нить.

Я нажала кнопку звонка. Три коротких сигнала. Тишина. Потом щелчок замка. Дверь открылась на ширину плеча.

Игорь выглядел... домашним. В сером халате из мягкого кашемира, который я купила ему на годовщину. Волосы слегка растрепаны, на лице легкая небритость, придающая ему вид уставшего победителя. От него пахло виски «Macallan» и сладковатым цветочным ароматом Вики. Запах их близости въелся в воздух прихожей, как дым после пожара.

— Ты чего тут делаешь? — его голос был ровным, без удивления. Он знал, что я приду. Ждал этого момента, чтобы показать власть над пространством.

— Мне нужны вещи, Игорь. Документы и ноутбук. И Лайка.

Он усмехнулся уголком рта. Не злобно, а скучающе. Как будто смотрел на муравья, который пытается перетащить крошку хлеба.

— Квартира арестована по иску о долгах, Анна. Любой вход без судебного пристава будет расценен как незаконное проникновение. У тебя есть ордер? Нет? Тогда проваливай.

— Она там одна! Ей страшно! — выкрикнула я, чувствуя, как горло перехватывает спазм.

— Ей хорошо. Она сыта. Она любит меня больше, чем тебя. Ты слишком нервная для неё, ты её пугаешь.

В этот момент из гостиной послышался тихий звон посуды. Вика появилась в дверном проеме. Двадцать четыре года, идеальная кожа, платье, которое стоило больше моей месячной зарплаты. В руках она держала миску с едой для собаки. Лайка сидела у её ног, виляя хвостом. Смотрела на меня пустыми глазами. Никакой радости. Никакого узнавания. Только равнодушие животного, которое кормят.

Глава 3

— Привет, Анечка, — Вика улыбнулась. Широко, обнажая белые зубы. — Заходишь проведать нас? Или забираешь свои игрушки?

Я сделала шаг вперед, пытаясь прорваться между ними. Игорь мгновенно перекрыл проход своим телом. Его рука метнулась к моему запястью. Хватка была жесткой, ногти больно впились в кожу. Он не бил. Он контролировал.

— Если ты войдешь сюда, я вызову полицию прямо сейчас, — прошипел он мне в ухо. Его дыхание обожгло мою щеку. — Тебя посадят в камеру вместе с наркоманами, и никто тебя не вытащит. Твой Орлов далеко, детка. А здесь ты никому не нужна. Ни юристам, ни друзьям, ни Вике. Ты — должник. И ты умрешь должником.

Боль от хватки смешалась с унижением. Меня били не кулаками, а фактами. Моим статусом. Моей подписью под кредитным договором, который он оформил на моё имя, пока я спала.

Игорь толкнул меня назад. Я споткнулась о порог и чуть не упала в подъезд. Злость затопила разум горячей волной. Я упёрлась пятками в пол, чтобы не попятиться снова. Игорь умел давить, пока я оправдывалась. Но когда речь шла о деньгах и репутации, он начинал слушать. Вот туда и нужно было бить.

Я выпрямилась. Поправила пальто. Посмотрела на часы.

— Хорошо, Игорь. Раз ты такой законопослушный гражданин. Я позвоню Марку Валерьевичу. Пусть курьер приедет через час. С доверенностью.

Игорь замер. Его лицо дернулось. Он ожидал слез, криков, просьб. Но не звонка конкуренту.

— Не смей вмешивать Орлова в наши личные разборки, — рявкнул он.

— Это не личные разборки. Это кража интеллектуальной собственности, — спокойно ответила я, доставая телефон. — Ноутбук стоит копейки. Но там код. Если я напишу заявление о краже имущества до суда, твои инвесторы завтра же потребуют объяснений. Кому нужен CEO, который ворует у жены? Ты боишься огласки, Игорь. Ты построил репутацию на честности. А сейчас ты тюремщик.

Он колебался. Секунды тянулись вечностью. Я видела, как в его глазах борются два демона: высокомерие и страх потерять лицо. Страх победил. Ему невыгодно было связываться с полицией из-за старого ноутбука, когда завтра у него встреча с фондом.

— Ладно, — бросил он сквозь зубы. — Бери своё барахло. Но если я увижу хоть одну царапину на стене, я подам на тебя в суд за порчу имущества.

Он развернулся и скрылся в глубине квартиры. Через минуту вынес сумку с моими вещами и швырнул её на пол прихожей. Белье, косметика, несколько книг. Ноутбук остался

внутри.

— Где компьютер? — спросила я, глядя ему в глаза.

— Изъяли приставы. Поздно вечером.

— Ври другим, — я не отводила взгляда. Сейчас восемь вечера. Никакого акта изъятия он не показал. По-моему, он блефовал. Он просто не хотел отдавать мне инструмент, которым мог управлять мной дальше. — Без ноутбука я не уйду. Я буду сидеть здесь до утра. Буду кричать. Знаешь, кто живёт этажом выше? Главный редактор «Коммерсанта». Ему интересно узнать, как CEO IT-холдинга выбрасывает жену на мороз ради двадцатилетней любовницы.

Тишина стала густой, как смола. Игорь посмотрел на Вику. Та пожала плечами, будто говоря: «Решай сам, милый».

Игорь выругался тихо, матерно. Затем повернулся и ушел на балкон. Щелкнула дверь. Он начал звонить охраннику, пытаясь решить проблему силой или деньгами, но быстро понял, что это не поможет.

Мы остались вдвоем в прихожей. Вика подошла ближе. Она не боялась меня. Она изучала меня, как энтомолог изучает жука под стеклом.

— Он ненавидит тебя, — сказала она тихо. Голос был бархатным, почти ласковым. — Не потому что ты плохая жена. А потому что ты была умнее него. И это бесит его больше всего. Он не может простить, что без твоего мозга он никто.

Я молчала. Холодок пробежал по спине. Измена — слишком мелкое слово. Это экзистенциальная зависть. Они оба

понимали правду.

Вика достала свой iPhone.

— Хочешь посмотреть, как он заполняет декларацию о доходах для банка? Там нет твоего имени. Ни в графе «супруга», ни в графе «кредитор». Для него ты уже умерла. Физически ты здесь, но юридически и эмоционально тебя не существует.

Она протянула мне телефон. Экран показывал PDF-документ. Строки, цифры, подписи. Всё аккуратно, всё чисто. Меня стерли ластиком.

Я взяла телефон. Мои руки дрожали, но не от страха. От ярости. Я пролистала документ вниз. И увидела строку: «Расходы на содержание домашнего питомца (собака). Партнер: В. Волкова».

Даже расходы на Лайку теперь записали на неё. Собака, которая любила меня, стала ещё одной строчкой в их новой жизни. Игорь будто вычёркивал меня из каждой мелочи.

В этот момент балконная дверь скрипнула. Игорь вернулся. Лицо красное, жилка на лбу пульсировала. Он выхватил у меня телефон и сунул его Вике.

— Достаточно, — приказал он ей. Потом посмотрел на меня. — Уходи, Анна. Пока я не потерял терпение окончательно.

Я успела подхватить сумку с вещами, когда он схватил меня за локоть и потащил к двери. Я сопротивлялась, но силы были неравны. Он выбросил меня в подъезд так, что я уда-

рилась спиной о стену. Дверь захлопнулась перед моим носом. Замок щелкнул. Громко, финально.

Из-за двери донесся лай. Лайка. Она поняла. Она начала скрестись лапами по полу, визжать. Этот звук резал уши, проникал под ребра. Я закрыла глаза, чтобы не заплакать. Чтобы не завыть вместе с ней.

Прошло десять секунд. Полминуты. Минута. Лайка затихла. Игорь заглушил её шумом телевизора или просто увел.

Я стояла в подъезде, опираясь о стену. Руки повисли плетьми. Во рту был вкус крови — я прикусила язык, когда он толкнул меня. Я проиграла. Опять.

— Вы потеряли собаку, Анна.

Голос раздался за спиной. Низкий, бархатный, спокойный. Я вздрогнула. Обернулась.

Марк Валерьевич Орлов стоял в пяти шагах от меня. В темно-синем костюме, идеально сидящем на широких плечах. Он не звонил. Он не ждал у машины. Он был здесь. Наблюдал.

Его глаза цвета стали встретились с моими. В них не было жалости. Не было сочувствия. Было холодное, расчетливое уважение.

— Но вы сохранили достоинство, — продолжил он, делая шаг ближе. — Игорь рассчитывал совсем на другое. Вы не просили. Вы требовали. И вы ушли, не сломавшись.

— Вы смотрели? — прошептала я. Голос сорвался.

— Я оценивал активы, — ответил он сухо. — И выяснил,

что главный актив находится в вашей голове, а не в сейфе Игоря. Пойдемте. У меня в машине есть кофе. Хороший, горячий, без сахара. А в офисе — рабочее место. Вы нужны мне не как жертва, а как стратег.

Он протянул руку. Не для того, чтобы помочь встать. А чтобы предложить путь.

Я посмотрела на свою сумку с бельем. На дверь, за которой осталась моя жизнь. Мой дом. Моя собака. Моя любовь. Всё исчезло. Осталась только злость. Чистая, дистиллированная, мощная.

Я взяла его руку. Его пальцы были теплыми и сухими. Кожа гладкая, без мозолей, но сильная.

Мы вышли на улицу. Воздух был прохладным, ноябрьским. Пахло мокрой листвой и бензином. Машина Марка — черный Mercedes G-Class — ждала у края тротуара. Стекла были тонированными, отражая городские огни.

Марк открыл пассажирскую дверь. Я села. Внутри пахло кожей, дорогим табаком и чем-то неуловимо мужским. Безопасность и опасность одновременно.

— Пристегнитесь, — сказал он, заходя с водительской стороны.

Я обернулась к дому. Окно второго этажа было ярко освещено, но Лайку за стеклом я уже не различала. Она осталась там, с ними. Даже не узнать, успокоилась ли.

Боль в сердце была физической, острой, как нож. Но я отвела взгляд.

Рука сама потянулась к карману пальто. Там, под подкладкой, в специальном кармашке, который я сшила еще год назад, лежала флешка. Резервная копия кода. Весь проект. Вся история создания продукта. Всё, что Игорь считал своим.

Марк заметил этот жест. Он не спросил, что в кармане. Он просто усмехнулся уголками губ. Холодная, хищная улыбка.

— Начинаем работу, Анна? — спросил он, заводя двигатель.

— Да, — ответила я. И в этом слове было столько яда и надежды, сколько не было за все предыдущие дни.

Машина тронулась, растворяя в темноте остатки моего прошлого.

Глава 4

Уже в машине я спросила, что значит «начинаем». Марк предложил доступ к моей работе в обмен на подчинение его правилам. Ни ставки, ни срока он не назвал.

— Сначала условия на бумаге, — сказала я. — Иначе дальше метро я с вами не поеду.

Он смотрел на меня несколько секунд, потом остановил машину у входа.

— Хорошо. Попробуй без меня.

Я забрала из камеры хранения чемодан, затолкала туда сумку с бельём и вызвала такси до хостела. Рабочий ноутбук лежал под блокнотами; домашний Lenovo остался у Игоря.

Мир сужается до размеров чемодана на колесиках, который гремит по асфальту, как скелет в мешке. Я стою перед дверью хостела «Уютный угол» на окраине Москвы, там, где панельки давят на небо своей серостью. Администраторша — женщина с лицом, застывшим от вечной усталости и недоверия к миру, — смотрит на мой паспорт так, будто он фальшивка из дешевой палатки.

— Постоянной регистрации нет? — её голос скрипит, как несмазанная петля.

— Есть временная. И деньги, — я выкладываю на стойку последние наличные. Пять тысяч. Почти всё, что осталось после оплаты такси и юридической консультации, которая

оказалась лишь подтверждением моего банкротства.

Она не берет купюры. Смотрит на мой плащ — кашемир, еще пахнущий парфюмом, который покупала для Игоря. А потом в глаза. В них она видит не женщину, а потенциальную воровку или наркоманку, потерявшуюся в чужом мире.

— Вид у вас подозрительный, дорогая. Мы тут спокойных гостей держим. Не хочется проблем.

Горло перехватывает спазм унижения. Хотелось бы сказать: «Я управляла продуктом на миллионы», но язык слушается только одного приказа: молчать и терпеть. Я добавляю сверху тысячу, которую берегла на еду.

— Место у окна. Там дует, зато тихо. Берете?

Её пальцы цепляют деньги. Быстро. Жадно.

— Комната 12. Ключ на ресепшене. Завтрак платный.

Это не комфорт. Это аренда права дышать здесь ещё одну ночь. Деньги больше не дают мне статуса хозяйки жизни. Они просто продлевают агонию.

Ночь в комнате 12 была тихой: за стенкой кашлял сосед, где-то пищала чужая зарядка. Я свернулась на узкой койке, прижимая к груди сумку с документами, и долго не могла уснуть, перебирая в голове объявления о вакансиях.

Следующий день начинается с надежды, которая разбивается о стекло переговорной крупного банка. Мне нужна хоть какая-то работа, чтобы не сойти с ума от бесполезности. Junior-аналитик. Позиция, на которую я раньше даже не смотрела, потому что считала себя выше этого. Теперь я ни-

же всех.

HR-менеджер, молодой парень в очках, листает моё резюме с таким выражением лица, будто читает некролог.

— Анна Сергеевна, опыт впечатляющий. Но... есть пробелы. И слухи.

— Какие слухи? — спрашиваю я, чувствуя, как холодок ползёт по спине.

— LinkedIn. Ваша связь с господином Волковым... Игорь, да? Говорят, был скандал. Интеллектуальная собственность, развод, долги. Нам нужны лояльные сотрудники. Без токсичности.

Он вежлив. Он улыбается. Он отказывает мне с грацией хирурга, который режет лишнюю плоть.

— Мы свяжемся, если освободится место.

«Не свяжутся». Я знаю это так же хорошо, как знаю цену своего падения. Я молча собираю сумку, прикусывая внутреннюю сторону щеки до металлического привкуса крови. Боль тупая, но реальная. Она заглушает стыд. Моё имя стало клеймом. Красным словом в их базе данных.

Я вышла из банка и долго шла никуда, пока каблуки не начали ныть. Домой — то есть в комнату 12 — возвращаться не хотелось, но к вечеру желудок напомнил о себе сведением.

Вечер опускается на город мокрой черной занавеской. Голод приходит не сразу. Сначала пустота в желудке превращается в ломоту в костях. Я захожу в супермаркет у метро. Мозг рисует картинку: горячий суп, хлеб, тишина.

Тележка наполняется быстро. Лапша быстрого приготовления, пакет молока, бананы. Дешевое утешение. На кассе очередь длинная, душная. Пахнет чужими куртками и сыростью. Я кладу товары на ленту, протягиваю карту.

Писк терминала обрывается коротким сигналом ошибки.

Кассирша, девушка с зелеными тенями под глазами, хмурится.

— Карта заблокирована. Попробуйте другую.

У меня другой карты нет.

— Снимите наличные?

Наличных ноль.

Шепот за спиной становится громче. Кто-то вздыхает. Кто-то цокает языком. Люди смотрят на меня как на прокаженную, нарушающую ритм их вечера.

— Я... у меня техническая проблема, — бормочу я, чувствуя, как горят уши.

— Тогда давайте освобождаем кассу. Или уходите.

Физический голод оказывается острее эмоциональной боли. Тело требует пищи, а мир отказывает в доступе к ней. Оставляю тележку посреди зала. Ухожу, натягивая капюшон на голову, прячась от взглядов, которые режут сильнее ножей.

До хостела я добралась уже в темноте, всю дорогу глядя под ноги. Есть не хотелось совсем — хотелось только стать невидимой и проспать эти сутки целиком.

Комната 12 пахнет дезинфекцией и старыми подушками.

Здесь два этажа и четыре койки. Вечером возвращается соседка. Медсестра, судя по одежде и запаху антисептика на руках. Она видит меня сидящей на краю кровати, сжимающей пустой желудок руками.

Без слов она ставит на тумбочку электрический чайник и пакет лапши.

— Чай будешь? — спрашивает она тихо.

— У меня нет денег, — отвечаю я, и голос срывается.

— Не надо денег. Просто ешь. Ты бледная как смерть.

Я не должна принимать. Гордость кричит: «Я не нищая! Я не та, кого жалеют!» Но тело предает разум. Я беру кружку. Пар щекотит лицо. Первый глоток горячей воды со специями вызывает спазм в горле, который перерастает в тихие всхлипы. Слезы текут без звука, падая в мутную воду.

Она не спрашивает почему. Не утешает фразами типа «всё будет хорошо». Просто сидит рядом, читая журнал, позволяя мне выплакать себя досуха.

Я придерживаю кружку обеими ладонями, чтобы не расплескать. Соседка переворачивает страницу и подвигает ко мне пакет: на дне осталось немного сухой лапши. Беру и её. Здесь мне не нужно объяснять, чем я заслужила ужин.

Пакет с недоеденной лапшой я оставила на тумбочке — на завтрак. Соседка отложила журнал и погасила свет, хостел постепенно утих: чей-то храп, скрип пружин, шаги ночной смены за стенкой. Тело наконец расслабилось.

Ночь рвет телефонный звонок. Неизвестный номер. Я

поднимаю трубку дрожащей рукой.

— Аннушка? Это Сергей, мы вместе делали релиз в прошлом году.

Сердце колотится. Надежда? Нет. Страх.

— Слушай, я узнал про твои проблемы. Игорь не шутит. Он заказал компромат. Говорят, ты украла данные клиентов. Тебе лучше залечь на дно. Уехать. Забыть IT. Если останешься, тебя уничтожат окончательно.

Жалость в его голосе звучит как приговор. Он предлагает мне стать жертвой обстоятельств, бежать, прятаться, исчезнуть.

— Спасибо, — говорю я ровно.

И блокирую номер.

Жалость — это яд для амбиций. Если я поверю, что мне нужно прятаться, я проиграю. Игорь хочет, чтобы я испугалась. Чтобы я стала той самой битой собакой, которую можно добить одним ударом.

Я сажусь на кровать, доставая блокнот. Рисую схему. Не план побега. План захвата.

Я перестаю быть жертвой. Начинаю искать инструменты мести, даже если сейчас у меня в руках только пустые карманы.

Засыпала я за полночь, положив блокнот рядом на койку: перечитывала схему, пока строки не поплыли. Сна вышло мало, но впервые за всю неделю я уснула человеком, у которого есть план.

Утро начинается со стука в дверь хостела. Курьер. Бандана, серые глаза, пакет из плотной крафт-бумаги.

— Для Анны Волковой. От Марка Валерьевича.

Он уходит, не дожидаясь расписки. Внутри пакета — не деньги. Не еда. Старый серверный диск. Тяжелый, холодный, черный. И записка на бумаге цвета слоновой кости:

«Твоя подпись под договором была нужна мне для легализации сделки. Передача кода оформлена; кредит и претензии Игоря этим не закрыты. Дальше обсудим твою работу. Код твоего продукта восстановлен. Жду завтра в 9 утра. Опоздаешь — потеряешь шанс».

Я держу диск в руках. Он весит как якорь. Или как ключ. Орлов не спасает меня из милости. Он инвестирует в мою злость. Он знает, что я не смогу отказаться от возможности вернуть украденное. Это ловушка, но единственная дверь, которая открыта.

День тянулся медленно. Я дважды перечитала записку Орлова, проверила время встречи и собрала сумку с диском. К самому диску так и не притронулась: заглядывать в восстановленный код было всё равно что трогать зажившую рану. К вечеру оставалось только пережить ночь.

Ночь перед встречей с драконом не приносит сна. Хостел шумит: кто-то кашляет, кто-то смеется, шаги в коридоре эхом отдаются в голове. Каждое движение тени кажется угрозой. Коллекторы? Люди Игоря? Паранойя сжимает виски тисками.

Я встаю, включаю свет. Белый, резкий, больничный свет убивает монстров в углах.

Сажусь за маленький столик, достаю ноутбук. Резюме лежало мертвым грузом. Слово «CEO-жена» было позорным ярлыком. Я стираю его. Вместо него печатаю: «Продуктовый стратег. Эксперт по UX. Автор кода, который стоит миллионы».

Руки дрожат, но буквы ложатся ровно.

Я понимаю главную ценность того, что произошло. Мои связи сгорели. Мои деньги украдены. Моя репутация растоптана. Но моя способность выживать там, где другие ломаются — осталась.

Орлов купил не бизнес. Он купил мою стойкость. И теперь он заплатит за неё.

Утром я надеваю единственную чистую рубашку из чемодана. Белую, помятую, с пятном от чая на манжете. Подхожу к трещине в зеркале над раковиной.

Отражение пугает. Глаза впали, кожа землистая. Но в глубине зрачков вместо страха горит холодный, расчетливый огонь.

Сегодня я войду в логово дракона. Не как добыча, которую будут грызть. А как партнер по сделке.

И я знаю, что у любого дракона есть слабое место. Его собственное эго.

Глава 5

Запах хостела въелся в кожу так глубоко, что я чувствовала его даже после душа. Дешевый шампунь «Балет» и чужой пот смешались в один удушливый коктейль. Я стояла перед зеркалом лифта отеля «Метрополь», глядя на своё отражение: бледное лицо, мешки под глазами, платье из секонда, которое висело на мне как тряпка на пугале. Руки дрожали. Не от холода — от стыда. Утреннюю встречу Марк Орлов перенёс. Он просто прислал SMS с новым адресом и временем. Никаких приветствий, никаких условий. Только точка входа.

Лифт остановился. Двери разъехались бесшумно. Передо мной возник охранник — гора мышц в черном костюме.

— Бронь? — спросил он, не поднимая глаз. Его голос был равнодушным и жестким, как камень.

— Меня ждёт Марк Валерьевич, — сказала я. Голос сорвался, превратившись в писк.

Охранник посмотрел на меня сверху вниз, оценивая мою нищету. За его спиной виднелась лестница, ведущая к VIP-зоне ресторана. Там пахло дорогим табаком, кофе и деньгами. Здесь пахло страхом.

— Без брони прохода нет, леди.

Я достала телефон. Пальцы скользили по экрану, но я нашла тот единственный номер, который знала наизусть за по-

следние двадцать четыре часа. Набрала. Гудки шли долго. Когда он ответил, я не успела сказать ни слова.

— Анна, ты где? — его голос был низким, бархатным и опасным.

— В холле. Твой человек меня не пускает.

— Жди.

Спустя минуту двери лифта снова открылись. Но это была уже другая реальность. Марк Орлов спустился сам. Он игнорировал охранника, игнорировал протокол безопасности, игнорировал сам факт моего существования как гостьи. Он просто взял меня за локоть — легкое, почти невесомое касание, которое обожгло через ткань платья.

— Идем, — сказал он. От него пахло холодным металлом часов и сигаретами, которые он курил тайком.

Мы вошли в кабину другого лифта, стеклянного. Он повёл меня не вверх, а вниз. Цифры на табло менялись: L, B1, B2... Технический уровень.

— Ты боишься не бедности, Анна, — произнес он, глядя в зеркало кабины, где наше отражение выглядело комично: хищник и сломанная игрушка. — Ты боишься, что я прав. Что ты ничего не стоишь без своего бывшего мужа.

Я молчала, сжимая кулаки в карманах куртки. Гордость душила меня, как удавка.

Лифт остановился. Мы вышли в коридор, залитый стерильным белым светом. Слева и справа тянулись ряды холодильников, стеллажи с продуктами. Пахло сырым мясом и

озонаторами.

Марк подошел к большому столу, заваленному бумагами и планшетами. Это была кухня для персонала, но здесь, в этой части, сидели люди, решавшие судьбы миллионов.

— Никто из тех, кто ест в зале, не знает, что их еда проходит через руки этих людей, — сказал он, не оборачиваясь. — Система работает только если есть те, кто готов мыть полы ради доступа к пище. Ты готова мыть полы, Анна? Или хочешь стать тем, кто решает, кому давать хлеб?

Мы вернулись наверх. Ресторан встретил нас тишиной и приглушенным светом свечей. Официанты двигались бесшумно, как тени. Марк посадил меня за стол в углу, где было темно и тихо. Меню лежало передо мной. Цены кружили голову. Салат «Цезарь» стоил как моя неделя жизни в хостеле. Я закрыла глаза, чувствуя тошноту от голода и унижения одновременно.

— Я не могу себе это позволить, — прошептала я.

Марк положил свою руку поверх моей на скатерть. Его пальцы были сухими, горячими и сильными. Я вздрогнула.

— Заказывай, — сказал он тихо, так, что слышно было только мне. — Голодная женщина делает ошибки. А мне нужны твои мозги, а не твоя жалость к себе. Ешь.

Я открыла глаза. Посмотрела на его лицо. Каменное. Ни капли сочувствия. Только расчет.

— Стейк Рибай. Прожарка medium rare, — бросила я официанту, переступая через себя.

Еда пришла мгновенно. Марк не ел. Он сидел напротив, наблюдая, как я режу мясо. Его взгляд изучал каждый мой жест, каждую морщинку на лбу, каждое движение челюсти. Я чувствовала себя препарированной лягушкой.

— Условия контракта, — начала я, пытаясь вернуть контроль, используя профессиональный жаргон, чтобы выровнять статусы. — Мне нужна защита от исков Игоря, юридическое сопровождение и фиксированный гонорар, а не процент от убытков.

Марк перебил меня. Он достал планшет и повернул экран ко мне.

На фото была наша свадьба. Три года назад. Игорь улыбался во весь рот, я сияла счастьем. Марк увеличил кадр, показывая моё запястье на фото. Часы Cartier.

— Эти часы стоили больше, чем твой первый год работы у меня, — сказал он ровно. — Ты продала себя дешевле, чем они стоят. Но теперь цена изменилась.

Он убрал планшет.

— Я не предлагаю тебе контракт. Я предлагаю долг. Я купил компанию, но оставил часть активов в тени. Если ты поможешь мне «выжать» из команды всё полезное, долг будет списан. Если нет — я передам документы Игорю. Он найдёт, чем прижать тебя снова. Кредит на твоё имя останется. И тогда ты будешь должна мне до конца жизни.

Телефон в кармане завибрировал. Экран вспыхнул уведомлением мессенджера. Игорь.

«Где ты? Я знаю, что ты у Орлова. Ты шлюха, если думаешь, что он тебя спасет. Он использует тебя, чтобы добить меня».

Я побледнела, чувствуя, как внутри все переворачивается от страха. Я попыталась схватить телефон, но Марк сделал это быстрее. Он забрал устройство из моих рук, не спрашивая разрешения. Прочитал сообщение вслух, ровным током, как рецензию на плохой роман.

— Игорь всегда был мелочным, — констатировал он.

Пальцы Марка быстро ударили по клавиатуре. Он набрал ответ одной строкой: «Она моя. Иди в суд». Отправил. Заблокировал номер. Вернул телефон мне.

— Теперь ты свободна от него, — сказал он, откусывая кусок хлеба. — Но несвободна от меня.

Я смотрела на экран телефона, где значилось «Номер заблокирован». Смесь ужаса и странного, запретного возбуждения накрыла меня волной. Кто-то другой взял на себя роль защитника. Пусть циничного, пусть жестокого, но сильного.

— Зачем тебе это? — спросила я, теряя остатки самоконтроля. — Я не красивая. Я не богатая. Я сломанная.

Марк встал. Подошел к окну. Вид на Москву внизу мерцал огнями, похожими на схему микросхемы. Он обернулся. Его глаза были темными, бездонными колодцами.

— Красота портится. Богатство крадется. Сломанные вещи интереснее целых. Их можно собрать заново. По моим правилам.

Он протянул мне ключ. Тяжелый, латунный, с брелоком отеля.

— Спи здесь. Завтра в 9 утра мы начинаем. Никакого хостела. Никакого прошлого.

Я взяла ключ. Он был теплым от его руки. Поднялась в люкс. Дверь закрылась за мной, отсекая шум ресторана. Внутри было темно и прохладно. Пахло свежим бельем и одиночеством. На тумбочке у кровати лежала папка с документами. Открытая.

Я подошла ближе, включая ночник. Свет упал на страницы. Там не было договора о найме. Там была копия договора продажи компании, подписанная Марком. И дата.

Дата была за месяц до того, как Игорь объявил об измене. За месяц до того, как я потеряла всё.

Я перечитала дату. Потом еще раз. Холод кондиционера пробрался под кожу, заставив зубы стучать.

Марк знал. Он знал о планах Игоря заранее. Он специально купил компанию, ожидая момента, когда Игорь совершит ошибку, чтобы купить её за бесценок. Но главная цель была не компания. Главная цель была я. Уникальный специалист, которого он хотел заполучить. Мои страдания были просчитаны. Моё унижение было необходимым этапом сделки.

Я не жертва развода. Я была частью его стратегии с самого начала.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали, но не от холода. От ярости. Теперь мне самой хотелось вцепиться ему в

горло. Не подписывать очередную бумагу — заставить его ответить за то, что он сделал.

Я проверила замок люкса. Щелчок замка прозвучал в тишине номера как выстрел.

Глава 6

Запах кожи и дорогого табака ударил в нос, стоило мне переступить порог кабинета Марка Валерьевича. Это не был аромат успеха из глянцевых журналов — это пахло властью. Тяжелой, сырой, как перед грозой. За панорамным окном Москва спала под серым одеялом рассвета, но внутри царила стерильная темнота, разбавленная лишь тусклой подсветкой экранов.

Я сжала пальцы на сумке до побеления костяшек. В горле стоял ком, который невозможно проглотить. Я пришла сюда торговаться. У меня осталось только это: достоинство и право называть себя человеком, а не функцией.

Лена, его секретарь, сидела за столом напротив, даже не подняв глаз от планшета.

— Пункт четырнадцать о запрете личных контактов вне офиса нужно убрать, — мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить четко. — Это противоречит базовым правам. Креативность требует воздуха, общения, жизни. Без этого я буду просто генерировать код как конвейер. Вы получите не продукт, а пустую оболочку.

Лена медленно подняла голову. Ее лицо было каменной маской.

— Марк Валерьевич считает, что эмоции мешают эффективности, Анна. А теперь смотрите сюда.

Она повернула планшет ко мне. На экране высветилась переписка. Мои сообщения Игорю за последние сутки. «Верни собаку», «Я все равно тебя найду», «Ты украл мою жизнь». Каждое слово было криком о помощи, адресованным человеку, который уже считал меня мертвой.

— Конфиденциальность нарушена вами же, — сухо произнесла Лена. Это было новое оружие против меня. Мысли путались. Как они достали эти данные? Я ведь удаляла чаты... или нет? Панорама мира сузилась до размеров этого экрана. Меня загнали в угол собственными же эмоциями.

Резко развернувшись, я направилась к двери. Хватит. Я не буду здесь унижаться.

Рука легла на холодную ручку. Она не поддалась. Я надавила сильнее, потом еще раз. Замок щелкнул глухо, отказываясь открываться. Электронная блокировка. Кабинет превратился в ловушку.

За моей спиной бесшумно открылась другая дверь. Я обернулась. Марк Валерьевич Орлов вошел так тихо, что его присутствие ощущалось физически — тяжелым давлением на уши. Он не сказал ни слова. Просто подошел к столу для переговоров, сел напротив и положил перед собой телефон. Красная точка диктофона мигнула ровно.

— Почему дверь закрыта? — спросила я, чувствуя, как по спине стекает холодный пот.

— Ты пытаешься оправдаться? — его голос был низким бархатом, обволакивающим шею. — Ты имеешь право на

частную жизнь. Но давай вспомним, где мы были вчера вечером.

Он нажал кнопку воспроизведения. Из динамика полился наш разговор в ресторане. Мои требования о гонораре и защите, мои ответы на его условия. Голос звучал чужим, предательски спокойным.

— Ты уже продала свою свободу, Анна, — сказал Марк, выключая запись. — Осталось только оформить документы. Или ты думаешь, что слова ничего не стоят?

Гнев вспыхнул внутри ярко и болезненно, затмевая страх. Я ударила ладонью по столу. Бумаги вздрогнули.

— Хорошо! Давай обсудим цену этой продажи. Ставка, бонусы, выходные дни. Если я теряю личную жизнь, я должна получить финансовый эквивалент. Я не рабыня, я специалист. Назови цифру.

Марк не моргнул. Он посмотрел на мои дрожащие руки, затем перевел взгляд на мои глаза.

— Зачем тебе деньги? Ты будешь жить в служебной квартире. Еда, транспорт, связь — все включено. Есть ли у тебя другие потребности, кроме безопасности?

— Ты тиран! — выплюнула я. — Тебе нужно, чтобы я была удобной игрушкой в твоей коробке.

Впервые за всё утро уголок его рта дернулся. Не улыбка, скорее усмешка хищника, почуявшего кровь.

— Твой гнев... это признак того, что ты еще жива внутри, Анна. Большинство людей после такого ломаются окон-

чательно. Ты сопротивляешься. Это комплимент. И приговор одновременно.

Его слова впивались под кожу. Он не пытался меня сломать грубо. Он препарировал мою ярость, находя в ней ценность. Мне стало тошно от осознания, что он прав: моя злость была последним, что отличало меня от безвольной куклы. И он хотел эту куклу сделать идеальной.

Он протянул мне договор. На гладком плотном листе строки теснились так, что я едва различала мелкий шрифт.

— Читай пункт о геолокации и цифровом следе, — велел он.

Я скользнула глазами по строчкам. Полный контроль над моими устройствами. Трекинг 24/7. Доступ к почте и соцсетям.

— Это рабство, — прошептала я, швыряя бумагу обратно на стол. От злости и подступивших слёз строчки расплывались перед глазами. — Ты хочешь знать каждый мой шаг. Каждый вздох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.